

НА ВЫСТАВКЕ «МИРА ИСКУССТВА»

(БИРЖЕВЫЕ ВЕДОМОСТИ, ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ. 1903. 20 ФЕВРАЛЯ. № 90)

НАДЕНДА ТЭФИ

Он бачь, яка кака намалевана!
Гоголь

- Вот это и есть «Демон» Врубеля?
- Д-да... как будто это самое...
- Справься-ка лучше по каталогу!..
- Ей-богу, правда!
Но старуха не верит и вырывает каталог из рук дочери.
- Гм... может быть, это и демон, только, по-моему, их здесь два! Видишь – руками-то обхватил Тамару, что ли?
- Нет, шатап, это, кажется, колени.
- Колени? Как колени? Какие колени? А штукатурка на него зачем обвалилась? А? Что? Я тебе говорю, что их тут двое, а ты споришь, что колени! Две дамы стоят перед большим полотном «Сирень» того же Врубеля!
- Бесподобно для капота! – говорит одна. – Я видела вчера в этом роде в Гостином дворе; только там были еще узенькие желтенькие полосочки и рисунок, пожалуй, немного помельче... Но в общем почти то же самое.
- Charmant!
- Сорок две барки насчитал, – оживленно сообщает окружающим толстый господин купецкой складки. – И расшивы, и беяны, и тихвинки... целый весенний сплав!

- Пор-трет же-ны, – читает в каталоге пожилой военный врач. – Портрет жены... А ну-ка посмотрим. Нумер девяносто восьмой, – он отыскивает глазами даму в лиловом платье с таковым же лицом. – Господи, помилуй! Синюха! Асфиксия! Болезнь дыхательных путей! Здесь нужно за доктором посылать, ни минуты не медля, а они портреты пишут! Возмутительно! Господин купецкой складки возмущается тоже.
- Доведут женщину до лилового состояния, а потом презентируют перед публикой!
- Ах, Манечка, да где же он, наконец, – стонет барышня перед картиной «Садко». – Я всегда все загадочные картинки отгадываю, а здесь не могу*.
- Да вот там должно быть в воде, – отвечает Манечка.
- Нет, это, кажется, женщина...
- Да нет, вон подальше...
- Ах, это уж, наверное, женщина...
- Нашла! Нашла! – вдруг вскрикивает Манечка. – Видишь, налево ноги торчат, значит, и он где-нибудь здесь же. Давай искать вместе.

* Загадочные картинки – рисунки-головоломки, которые печатали газеты и журналы. На них надо было разыскать какое-то изображение, обычно спрятанное в переплетении веток деревьев или в деталях ландшафта.

- Я почти все нашла, только головы еще нет.
- У картины Бакста «Ужин» толпятся удивленные зрители.
- Что это она, у постели, что ли, сидит?
- Тихое помешательство... Сухотка спинного мозга.
- Просто идиотка и истощение всего организма.
- Бедняжка! – жалеют дамы. – Надела на голову коричневый сапог, разложила на кровати три апельсина и воображает, что ужинает...
- К картине «Испанский танец» приближается сердитая старуха с дочкой.
- Это что? Опять демон?
- Нет, шапан, испанка! Испанка танцует.
- Как танцует, что за вздор! У нее ноги застряли между рамой и полотном. Она ног вытащить не может, а ты говоришь – танцует. Без ног много не натанцуешь.
- Ах! Quelle horreur!* – восклицает дама перед картиной Малявина.
- Это не орер, матушка, – успокаивает ее муж, – а русский серпентин в адском пламени. Видишь – у бабы весь сарафан на полоски изрезан. Это символ, тебе не понять.
- Господа! – ораторствует тощий господин перед тремя барышнями. – Не подходите близко! Смотрите издали... Общее нужно... Общее...
- Да издали ничего не разобрать...
- И не нужно! Схватите общее и ждите, что ответят нервы...
- Сердитая старуха тычет пальцем в каталог.
- Видишь – «Женская статуя», Матвеева, а ты говоришь – Петр Великий!..
- Это Мамонтова «Солнечный день», – говорит подруге Манечка.
- Нет, милочка, это «Серый день».
- Ну, что ты споришь! Серый – номер двести двадцатый, а это двести восемнадцатый...
- Да как же, если солнца нет ни на этом, ни на том.
- Так вот по номерам и отличают...
- Посмотри-ка, Петичка, в каталоге – это что за постель с белым одеялом?
- Это, матушка, во-первых, не постель, а пастель, и изображает «Двор» Добужинского.
- Что же это за двор? Ничего не понимаю!.. – с отчаянием говорит дама.
- Должно быть, дровяной, а может быть, и птичий...
- А! А я думала, Людовика Четырнадцатого!
- Кто ж их разберет. Может быть, для того так и нарисовано, чтоб фантазия играла.
- Перед портретом Бальмонта работы Дурнова стоит декадентствующая дама и в экстазе шепчет:

* Какой ужас! (фр.)

*Я на баш-шню входил, и дрррожали ступени,
И дрррожали ступени под ногой у меня.**

Подходят два студента и долго смотрят на Бальмонта.

- Слушай, а ведь он пьян, – решает наконец один.
- Пожалуй, что и пьян, – соглашается другой.
- Ну, это уж его дело. А вот, скажи, зачем около него все дома кривые?
- Хо! Это-то и есть самое главное. Символизм! Здесь не только портрет поэта, но и его миро-созерцание. Все фундаменты на боку...

Декадентствующая дама тихо стонет и отходит прочь.

- Портрет Ционглинского – прекрасный портрет, – гудит чей-то бас. – Только зачем он не прячет картин? Зачем позволяет детям пачкать? Вон и по лицу его «Ученого» кто-то всей пятерней по мокрой краске смазал. Нельзя детей распускать.

Перед карикатурами Шербова целая толпа. Благообразный генерал дает объяснения.

- Вот это «Школа критиков». Кравченко обучает Лазаревского, Фролова и Розенберга, а у окошечка подслушивают Куинджи и Беклемишев. А это художник Браз в своей мастерской, – указывает он на вторую картинку. – Третья карикатура изображает Василия Ивановича Немировича-Данченко; знаменитый писатель в испанском костюме несется на велосипеде по своей квартире и в то же время пишет роман. В дверях стоит молодой беллетрист Брешко-Брешковский и с благоговейным ужасом смотрит на приемы творчества маститого Василия Ивановича.

В картинке столько движения, столько экспрессии и комизма – и в позе упавшей кухарки, и в физиономии оторопевшего Брешко-Брешковского, что самые хмурые лица, глядя на нее, начинают невольно складываться в улыбку.

- Хорошо, черт возьми! – восклицает какой-то молодой человек. – Только если бы не каталог, так я, признаться сказать, думал бы, что это и есть настоящие картины, а все остальные – карикатуры!

* Строчки из стиха К. Бальмонта «Я мечтою ловил уходящие тени».